

Москвичева С.А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком»

English version: [Moskvicheva S.A. Synchronic and diachronic model of linguistic norm: a minority language between "codified variety" and "literary language"](#)

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Статья посвящена исследованию проблемы феноменов и понятий «литературный язык» и стандартный вариант в синхронной и диахронной перспективе. Показаны их различия в структурно-типологическом и культурно-историческом планах, определяются их место и функции в структуре этнической идентичности, процессах кодификации, нормализации и стандартизации языков, а также их роль в процессе ревитализации языков и сохранения лингвистического разнообразия.

Ключевые слова: стандартный вариант, литературный язык, стандартизация, кодификация, языковая политика, языковое строительство, идентичность

Вопросы создания, поддержания и развития литературных форм для миноритарных языков приобретают актуальность во второй половине девятнадцатого века, играют ключевую роль в советском языкознании 1920–1930-х годов и остаются значимыми по настоящее время. Каждая новая волна строительства этнической идентичности в XX веке выдвигает на первый план вопросы, связанные с языком, в первую очередь задачи построения «литературного языка». Такое положение дел представляется закономерным в силу того, что ключевым центром передачи и распространения миноритарных языков в современной ситуации является школа. Она же может работать только с кодифицированной, нормированной и стандартизированной формой идиомы. Тем не менее содержание понятия «литературный язык» остается весьма расплывчатым и неопределенным. Возникает вопрос, правомерно ли его применение, и если правомерно, то в какой мере, к существующим обработанным разновидностям миноритарных языков. В этой связи необходимо рассмотреть целый ряд вопросов эпистемологического, лингвистического, социолингвистического, социального, историко-культурного характера.

Общеметодологические аспекты формирования категории «литературный язык»

В эпистемологической перспективе для нас важно понять, в какой момент и при каких обстоятельствах в науке и общественной мысли возникает вопрос о возможности и необходимости сознательного воздействия на язык и, следовательно, и создания его престижных, «литературных» вариантов. Как представляется, категория «литературный язык» лежит на пересечении идей универсализма и романтической парадигмы национализма и национального строительства. С одной стороны, она восходит и тесно связана с пониманием языка как безусловно важного, но и только, инструмента в формировании нации (идеи Французской революции, получившие наиболее яркое воплощение в вопроснике аббата Грегуара), с другой стороны, с пониманием языка как энергии, деятельности, воплощения духа народа, его истории и сущности (И.-Г.Гердер, Ф.фон Гумбольдт, И.Г.Фихте). Оба понимания феномена языка восходят к рубежу восемнадцатого-девятнадцатого веков, то есть, собственно, к моменту появления лингвистики как самостоятельной науки и выделению ее из философской проблематики.

Принципиальное различие этих точек зрения на язык во многом обусловлено различиями исторического развития двух европейских культур. Современная Франция формируется во внутренней политической борьбе, в построении сначала государства, и уже потом нации в политическом смысле. Германия обретает себя во многом благодаря противопоставлению Франции, и платоническая категория народа предшествует категории государства. В тесной связи с ключевыми социально-политическими проблемами со второй половины XVIII века в научном и социальном дискурсе возникают и осмысляются несколько значимых для нашей темы концептов: универсальный / национальный язык и возможность / невозможность сознательного воздействия на язык (в том числе путем формирования стандартной наддиалектной формы). Идеи о предпочтительности единого европейского наднационального языка или же языкового разнообразия, с неизбежными при этом вопросами выбора национального языка, создания наддиалектной формы, стандарта и нормы, нашли выражение в двух работах, представленных на конкурс в Берлинскую академию с разницей в двенадцать лет и концептуализирующих два господствовавших в то время воззрения на язык и норму.

Речь идет о работе И.-Г.Гердера 1772 года «Трактат о возникновении языка», где обосновывается идея национального государства, основанного на первичной общности языка и культуры, и А.Ривароля «Рассуждения о всеобщем характере французского языка» (1784 год) [Rivarol, 2013]. Отзвуки этого спора пройдут через девятнадцатый век, богатый примерами строительства национальных идентичностей и «литературных языков» по французским и/или немецким моделям, и найдут выражение в проектах универсальных языков второй половины XIX – начала XX века. Особенно ярко они проявятся в языковой политике СССР двадцатых годов, в том числе в многочисленных эсперантистских движениях, построении универсального, аналитического алфавита и в «Новом учении о языке».

В СССР причудливо слились две, казалось бы, противоположные идеи – французское понимание языка как инструмента, формы создания политической нации и немецкий взгляд на язык как на самую сущность нации-народа. Отсюда (помимо иных – социальных, политических и других факторов прагматического порядка) стремление создать национальные письменные (литературные) формы для ранее бесписьменных языков, но в строгих, по возможности унифицированных формах с унифицированным так называемым социалистическим содержанием. Нужно добавить, что идеи унификации и сознательного воздействия на язык были актуальны отнюдь не только для Советского Союза первого послереволюционного десятилетия. На II международном лингвистическом конгрессе в Женеве (1931 год) участникам для обсуждения были предложены два вопроса:

- на ваш взгляд, какая роль в становлении и развитии языков (в том числе искусственных) принадлежит, с одной стороны, спонтанным и бессознательным феноменам, а с другой стороны, волевым вмешательствам в язык и научной рефлексии?
- что вы думаете о возможности использования искусственного языка как всеобщего вспомогательного языка? [Actes du Deuxième Congrès des linguistes, 1931, с. 21].

Чуть ниже мы вернемся к этой проблематике в разделе, где попытаемся определить социально-культурные параметры концепта «литературный язык».

Диахроническое и синхроническое измерения системы и их роль в формировании концепта «литературный язык»

Важным, собственно лингвистическим фактором, определившим формирование концепта «литературный язык», явилось сравнительно-историческое языкознание. Диахроническое в своей основе, оно придавало особый престиж и легитимность ряду европейских языков, изучением которых преимущественно занималось. Высшие позиции в иерархии языков и связанный с этим престиж обуславливались фактором времени, традициями, историей. Совершенно не случайно, что сравнительно-исторический метод, так называемая индоевропеистика, оказался основным врагом нового «марксистского» языкознания. Помимо совершенно справедливой и обоснованной критики в его адрес со стороны таких лингвистов, как А.И.Бодуэн де Куртене и Е.Д.Поливанов, на него был направлен шквал идеологических и политических обвинений со стороны марристов. Одной из причин такого яростного неприятия, казалось бы, безобидного научного метода было языковое

строительство, требующее абсолютного и безусловного равенства всех языков, что возможно и законно, но только в синхронной парадигме.

Аксиологические критерии неуместны при сравнении языковых структур. В этом смысле все без исключения языки равны и равноценны. Доминирующая в это время концепция языка как синхронной системы, имеющей социальный характер и регулируемой социумом, определила саму возможность языкового строительства 1920–1930-х годов и возможность создания равноценных и равных литературных языков, создатели которых, безусловно, были искренни в своих намерениях и убеждены в состоятельности научных теорий, лежащих в их основе. Для нас важно подчеркнуть, что исключение из характеристик идиомы ее диахронических составляющих неизбежно приводит к неадекватному пониманию объекта и его неверной классификации, что может отразиться на ходе языкового строительства, в частности, в реализации на практике моделей, неоптимальных для той или иной конкретной ситуации. Сложно и вряд ли продуктивно применять одни и те же стратегии кодификации, нормализации и стандартизации к языкам с долгой непрерывной или прерванной исторической традицией и новописьменным языкам. Это не означает, что письменная стандартная форма невозможна или не нужна для языков последней группы. Нужна и возможна, но ее создание и функционирование требуют иных методов, чем в случаях ревитализации или нормализации старописьменных языков. Полученный в результате статусного и корпусного планирования идиом целесообразней назвать стандартным вариантом.

Проблематика языкового строительства и создания стандартного варианта реализуется в рамках определенной лингвистической парадигмы. Ряд престижных в XX веке лингвистических концепций видели в языке прежде всего определенную семиотическую систему, язык «вообще», универсальное явление, свойственное человеку как роду. Этот панхронический, в основе статический подход, заложенный идеями грамматики Пор-Рояль и развитый в трудах Ф. де Соссюра, В. Брэндаля, Л. Ельмслева, сосредоточен на структурных свойствах языка, определяет язык как жесткую систему, предполагает динамику внутри структуры, но и не предполагает ее вариативности.

Другая линия, берущая начало в трудах В. фон Гумбольдта и получившая развитие на почве отечественного языкознания в трудах А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, рассматривает язык в конкретно-исторических формах, что позволяет говорить о принципиальной изменчивости, вариативности на всех уровнях его структуры и, главное, рассматривать язык в единстве с человеком и обществом. Вероятностный характер языковой системы, а также ее связь с конкретным коллективом в конкретной исторической обстановке позволяет стратифицировать языковой континуум и, как следствие, определить концепт «литературного языка». На пересечении лингвистического и социального, исторического и культурных векторов актуализируются такие понятия, как язык, диалект, койне (городское, народно-поэтическое, литературное), кодифицированный язык, кодифицированный вариант, стандартный язык, стандартный вариант и др.

В качестве иллюстрации важности разграничения данных понятий приведем пример возможных последствий смешения понятий «вариант» и «язык» на примере социолингвистической ситуации во Франции, где в 2000 году языками Франции (*langues de France*) были провозглашены исторические (первичные) диалекты языка д'ойль, в частности анжуйский, бургундский, гало, нормандский, пуатенвинский, пикардский и др., имевшие ранее статус диалектов французского языка. Если это самостоятельные языки, то возникают следующие вопросы: в каком отношении они находятся к французскому? На базе какого диалекта они образованы, к какому социолингвистическому типу он принадлежит и как этот диалект соотносился / соотносится с французским стандартным языком? Лингвистический аспект проблемы состоит в том, что стандартный французский язык формировался отнюдь не только на базе одного франсийского диалекта, но впитал самые разные диалектные черты группы д'ойль и являлся и продолжает являться стандартом, покрывающим все данные диалекты. В этом смысле французский язык похож на русский литературный язык, который тоже сформировался далеко не только на базе московского крестьянского говора эпохи феодализма.

Процесс стандартизации диалектов д'ойль – легитимный и закономерный процесс признания языкового наследия Франции, но номинация «стандартные языки» вместо «стандартных вариантов» может создать ложное впечатление их излишней изолированности от французского языка, известного структурного и функционального параллелизма с последним, что не соответствует ни

лингвистическим, ни историческим фактам. Здесь возникает еще один вопрос: поскольку стандартные варианты создаются на базе первичных диалектов, границы между которыми весьма условны, то дробность и количество языков может возрастать до бесконечности.

Об актуальности, но одновременно неопределенности понятия «литературный язык» писал в В.В.Виноградов. «Прежде всего, следует подчеркнуть отсутствие точности и определенности в употреблении самого термина «литературный язык». При обращении к термину «литературный язык» чаще всего не учитываются исторические различия в содержании и объеме этого понятия. ... По отношению к древнерусской эпохе он нередко употребляется как синоним выражений «письменный язык», «язык письменного памятника», «язык письменности»» [Виноградов, 1958, с. 25]. Несмотря на разработку данного вопроса в трудах Н.С.Трубецкого, В.В.Виноградова, Л.П.Якубинского, Тезисах Пражского лингвистического кружка, работах Н.И.Толстого и многих других, понятийная неопределенность не просто остается, но возрастает. В качестве синонимов «литературного языка» употребляются «письменный язык», «стандартный язык», «кодифицированный язык», «нормативный вариант языка», «стандартный вариант» и др. Столь внушительный синонимический ряд обусловлен смешением, как мы пытались показать, различных подходов, а также экстраполяцией терминов, выработанных в ходе анализа определенных языков ситуаций, на другие, удаленные как во времени, так и в пространстве.

Структурные и социокультурные параметры типологии литературных языков

В целом можно говорить о нескольких подходах к определению «литературного языка», основанных на структурных критериях (собственно лингвистический, преимущественно синхронический), на культурно-исторических (преимущественно диахронический подход) и на социальных критериях. По всем группам критериев характеристики стандартного варианта (литературного языка) будут различными у разных языков. Традиционный термин российской науки «литературный язык» имеет определенные культурные, исторические, политические и социальные коннотации, сложившиеся в основном в ходе изучения русского литературного языка, но которые автоматически переносятся на языковые ситуации, которые ему не соответствуют. Неверная дефиниция феномена диасистемы (термин Э.Кошеру) языка крайне нежелательна, а во многих случаях может быть губительна для его витальности, поскольку искусственное создание стандарта «по образу», без научно обоснованного анализа языковой ситуации может привести к росту языкового нигилизма. Стандартизация языка – сложный процесс, сопряженный с большими трудностями. Вопреки утверждениям многочисленных искренних активистов, но непрофессиональных филологов, заинтересованных в ревитализации через создание единого языка, механически объединить две идиомы нельзя.

В качестве примера приведем отрывки из двух интервью. Первое взято на сайте, посвященном распространению мордовского языка [<http://www.e-mordovia.ru/1000/luzgin.php>]. Второе записано нами во время социолингвистических исследований на территории Республики Карелия.

Интервью 1

X1: А в чем заключается основная сложность (создания единого мордовского языка)?

X2: Скорее всего, в стереотипах мышления. Мне сейчас некоторые языковеды даже говорят: мол, если мы создадим единый язык, мокшане и эрзяне вообще откажутся от своих языков. Такой нигилизм среди мордвы, к сожалению, присутствует, поэтому, судя по переписи населения, ее численность и сокращается. Но я приведу такой факт. У нас есть мокшанский диалект. На нем – эрзянском, по своей сути, говорят несколько сел в Торбеевском – мокшанском – районе. Так вот, несмотря на две литературные нормы, диалект продолжает существовать. Так и здесь. Сельчане, которые владеют родным языком, так и будут говорить на своем диалекте. Единый же литературный язык будет создаваться за счет расширения вариативности. Приведу такой пример. В эрзянском языке есть слово «вадря» – «хорошо». Синонимом к нему выступает «паро», мокшанское «пара» и даже заимствование «цеберь». Не будет навязываться какой-то один вариант, изучающие мордовский язык станут знакомиться со всем синонимическим рядом. То же самое касается и морфологии. Поэтому стереотипы должны уходить, и нам надо коллегиально расширять две «узкоколейки» литературных языков, разрушать преграду между ними. И тогда у нас будет широкий, богатый, единый

литературный язык.

В качестве комментария к данному интервью нужно сказать следующее. Теоретически возможны как минимум три конфигурации создания стандартного варианта: стандартный идиом создается за счет тополектальных разновидностей языка (случай французского, русского языков), стандартный идиом создается на базе одного или нескольких диалектов и потом распространяется на другие диалекты массива (немецкий язык), создаются несколько вариантов нормы на базе разных диалектов. При втором варианте, который, по-видимому, автор высказывания считает оптимальным, живые диалекты действительно сохраняются и продолжают функционировать в качестве разговорных вариантов. Стандартный идиом используется во всех институциональных ситуациях. Это хороший вариант в плане витальности языка, но, как кажется, стандартный вариант (он же государственный язык) всегда структурно близок к диалектным разновидностям, которые он прикрывает.

Второе интервью иллюстрирует отношение к перспективам стандартизации языка двух естественных носителей собственно-карельского диалекта карельского языка. Информант Х1, двадцать один год, профессиональный филолог, выпускник отделения финно-балтийской филологии Петрозаводского университета (карельский язык). Информант Х2, приблизительно сорок лет, не получил специального филологического образования.

Интервью 2

С.М.: А как вы относитесь к объединению под одной обложкой газет на собственно-карельском и ливвиковском?

Х1: Будут опять объединять? Ну, на самом деле я не знаю, с какой целью они объединяют... потому что я, например, все равно как читала вот собственно-карельский диалект...

Х2: Я тоже буду читать собственно-карельский ... Если я там не буду понимать, о чем читать, так зачем?

С.М.: А ливвиковский (другой диалект карельского языка) вам тяжело читать?

Х1: Ну, на самом деле... его понять можно... его довольно... можно понять. Если только для интереса почитать, пойму или не пойму. Может, если я буду понимать, я буду читать и на ливвиковском. Это не наш язык, но его понять можно. Если вдуматься, если понять суть – можно.

С.М.: И для Вас тоже самое, да? То есть на ливвиковском... трудно?

Х2: Ну, я ливвиковской, наверное, и не буду читать, потому что у меня вообще только... у меня нет даже как таковой письменности, у меня только речь. Поэтому мне, наверное, трудно будет. Не знаю, конечно, я могу попробовать. Я же не учила его нигде. Чисто вот мамин язык, и все.

Структурные и социолингвистические параметры для построения типологии «литературных языков»

Перейдем к типологическим различиям идиом социолингвистической природы. В этом аспекте основными критериями будут тип базового диалекта (первичный или нет), привилегированная роль одной или нескольких диалектных баз, тип лингвистической кодификации (стремление использовать максимум общих языковых черт и ввести их в стандарт или нет) и др. В качестве иллюстрации типологических различий по социолингвистическим структурным критериям сравним русский, окситанский и карельский языки. Это очень разные языки с точки зрения исторических, культурных, социальных и собственно социолингвистических (диасистемических) параметров.

Традиционно используемый советским – российским языкознанием термин «литературный язык», как было сказано, разрабатывался преимущественно на материале русского языка, со старой устойчивой непрерывной письменной традицией, слабой дробностью первичных диалектов к моменту образования литературного языка, не сыгравших существенной роли в его формировании, с наличием

городского койне, наличием административно-деловой разновидности языка и многими другими особенностями, присущими этому типу языков. В настоящее время русский язык характеризуется крайне незначительным диатопическим (горизонтальным) варьированием, развитой и сложной системой стратифицированных стилей (диафазическое и диастратическое варьирование), высокой полифункциональностью, нормированностью, общеобязательностью для всего говорящего коллектива. На территории РФ он не вступает в отношения конкуренции ни с каким другим языком.

Окситанский язык относится к типу старописьменных языков с прерванной традицией и сменой диалектной базы. Наличие литературного койне, лирической поэзии, административно-деловой разновидности, нормы и стандарта, закрепленного в ряде грамматик окситанского языка (первая из которых, “Las leys d’amors”, датируется 1356 годом), относится к эпохе средневековья. До XVI века юг Франции использовал в качестве письменного языка литературное койне окситанского языка. Далее последовали века постепенного упадка языка, вытеснения его из административной сферы и других престижных сфер общения, распад литературного койне, диалектализация. Процесс получил ускорение в ходе Французской революции и к середине XX века был в основном завершен.

Вторая волна интереса к языку и попытка его стандартизации относится ко второй половине девятнадцатого века, связана с фелибризмом, в первую очередь с творчеством Ф.Мистрала. В настоящее время окситанский язык характеризуется высокой степенью полиморфизма во всех сферах, наличием как минимум трех диалектов (гасконский, оверньский, провансальский), двух орфографий (так называемые мистралевская и алибертинская). В качестве стандартного (покрывающего) языка на территории Франции окситанский имеет французский язык, в Испании – испанский.

Карельский язык относится к новописьменным языкам (короткий период существования карельской письменности относится к 1937–1939 годам на территории Республики Карелия и с 1931 года для тверских карелов). Существующая в настоящее время письменность начала создаваться с 1989 года на базе двух первичных (территориальных) диалектов (ливвиковского и собственно-карельского) в двух нормах на базе единого (с 2007 года) алфавита. Карельский язык характеризуется сильной дробностью диалектов, отсутствием городского койне, разговорно-обиходной разновидности, нестабильностью нормы, отсутствием стандарта, отсутствием традиции, слабым воздействием народно-поэтической культуры на формирование стандартного языка.

Эпос «Калевала», оказавший существенное влияние на формирование финской национальной идентичности и финского литературного языка, практически не повлиял на формирование карельского. Научные экспедиции по сбору карельского фольклора были организованы в конце тридцатых годов, однако сменившиеся приоритеты языковой политики не позволили довести дело до конца. Многие материалы экспедиций тех лет были опубликованы только в девяностые годы двадцатого века. В зоне диалектных массивов карельского языка присутствовали две мощные культурные идиомы: русский язык и финский язык. Сказанное можно резюмировать в виде таблицы, в которой использованы критерии (в слегка модифицированном виде) литературного языка, разработанные Н.И.Толстым [Толстой, 1988, с. 17].

Таблица 1

Сравнительные характеристики русского, окситанского, карельского литературных языков (стандартных вариантов)

Критерии	Русский язык	Окситанский язык	Карельский язык
Наличие выраженной диалектной базы	–	+	+
Сильная диалектная дробность	–	(+)	+
Формирование письменного языка на базе первичных диалектов	–	(+)	+
Наличие городского койне	+	–	–
Непрерывность развития литературного языка	+	–	–
Сохранение литературной традиции	+	–	–

Смена диалектной базы при формировании литературного языка	–	+	+
Наличие давней литературной традиции	+	+	–
Наличие гетерогенной диглоссии	–	+	+
Полифункциональность литературного языка	+	–	–

Из таблицы видно, что содержание понятия «литературный язык» существенно меняется в зависимости от конкретной языковой ситуации. Возникает вопрос о целесообразности использования данного термина во всех возможных языковых ситуациях. Более общим термином, применимым, как кажется, ко всем языковым ситуациям, может послужить «стандартный вариант», а «литературный язык» целесообразно зарезервировать за определенным типом стандартного варианта. Во-первых, этот термин позволяет оставить в стороне ненужный вопрос о разграничении языка и диалекта. Во-вторых, он полифункционален и применим к любой языковой ситуации. В-третьих, этот термин не несет смыслов, заложенных в понятии «литературный язык» как особой форме национального языка с долгой исторической традицией. Литературный язык в этом смысле не может считаться искусственным языком, сознательным конструктом, продуктом исключительно языкового строительства. В этом смысле литературный язык не является, по терминологии Х.Клосса, языком по сознательному конструированию (*Ausbausprache*). Литературный язык – это исторический продукт естественного развития идиома, впитавший в себя культурные, этнические, социальные параметры надсистемы общества, в которой он функционирует. Литературный язык – это одна из возможных форм стандартного варианта, структурно и функционально наиболее сложная и развитая. Для ряда миноритарных языков именно стандартный вариант представляется наиболее подходящим термином для обозначения престижного страта.

Социокультурные аспекты категории «литературный язык»

Кратко остановимся на социально-культурных аспектах термина «литературный язык». Современное понимание специфики литературного языка как наиболее престижной разновидности национального языка относится к девятнадцатому веку и связано с образованием национальных государств, государств-наций, формирование которых повсеместно сопровождалось в девятнадцатом веке и сопровождается сейчас «филологическими революциями» (термин Б.Андерсена). Если до эпохи национализма в Европе языки «больших» наций образовывались постепенно и естественно в результате длительного исторического развития и не являлись объектом языковой политики или планирования по крайней мере до Нового времени, то вторая половина XIX века стала свидетелем сознательного конструирования наций и языков. Языки «новых» европейских наций сознательно подгоняются под образцы «больших» языков. В этот исторический период язык из средства коммуникации становится важнейшим элементом культуры, подлинным и часто единственным символом нации и национального возрождения. Иными словами, коммуникативная функция отходит на второй план, уступая место символической и идентификационной функции. Основная роль в этом процессе принадлежала интеллектуальной элите.

Конструктивистские парадигмы описания построения этнической идентичности или национального языка оптимально приспособлены для описания процессов второй и последующих волн национализма, но бессильны, если речь идет, например, о формировании русского или французского языка шестнадцатого-семнадцатого веков. В нашу задачу не входит описание процесса конструирования этнических, национальных и языковых идентичностей в рамках национальных движений девятнадцатого-двадцатого века, для нас важно подчеркнуть, что он стал возможен благодаря смене рациональной парадигмы на романтическую, где наряду с традицией, фактором диахроническим, нашел место и «вкус» – фактор синхронический. Не столько традиции, сколько языковой вкус и воля к переменам со стороны определенного страта общества стали определять языковое развитие и складывающиеся нормы. Литературный язык становится основным показателем и маркером формирующейся нации. Именно этот тип стандартного языка характеризуется полифункциональностью, жесткой кодификацией нормы, общеобязательностью для всего коллектива. Ни один литературный язык до эпохи формирования буржуазных наций не обладал и не мог обладать такими характеристиками. Вот как определяет этот термин Б.В.Томашевский: «Литературный язык в современном его смысле предполагает наличие национального языка, то есть исторической его предпосылкой является наличие нации; во всяком случае, термин этот имеет особый и достаточно определенный смысл в пределах национального языка» [Томашевский, 1951, с. 177–178].

Данный тип языка представляет собой в известной степени искусственное, сознательно сконструированное образование, создание которого становится возможным за счет перестройки

диасистемы: в терминах Е.Косериу диатопическое (горизонтальное, диалектное) заменяется на диастратическое (социальное) и диафазическое (функциональное). Иными словами, идет перераспределение между парадигматическими параметрами диасистемы (состояние языка), которые возрастают, и синтагматическими (языковая ситуация), которые убывают. Состояние языка понимается как «совокупность всех видов его вариативности, как функционально нагруженных, так и не имеющих ясно выраженной функциональной нагрузки (парадигматический план)», а под языковой ситуацией – «отношение языка или его части, характеризующейся данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, и проявляющееся в различных формах пространственных и социальных взаимодействий (синтагматический план)» [Степанов, 1976, с. 30–31]. В этой связи хочется предостеречь от излишне поспешного строительства стандартных идиом для «малых» языков с ограниченным демографическим потенциалом. Трансформация тополеков в стандарт по моделям «филологических революций» может привести к гибели языка.

Языковое строительство в области создания литературных языков в СССР 1920–1930 годов

Если не входить в детали, то можно сказать, что принципы создания национальных языков второй волны европейского национализма нашли свое продолжение в ходе языковой политики и языкового строительства в СССР в двадцатые-тридцатые годы. Это был процесс сознательного конструирования национальных языков по моделям создания национальных литературных языков второй волны национализма с присущим им с жестким стандартом и нормой, обладающих всем спектром социальных функций в пределах республик и национальных территорий. Эпистемологической базой строительства послужил, как было сказано выше, отказ от парадигмы сравнительно-исторического языкознания, равенство языковых систем в синхронии, признание принципиальной возможности сознательного воздействия на язык. Созданные национальные литературные языки отнюдь не всегда проходили по границам первичных диалектов. Однако политическая воля, вылившаяся в последовательное внедрение данного литературного языка на данной территории, бесспорно высокое качество созданных алфавитов, грамматик и словарей, а также низкий процент грамотного населения на момент проведения реформ способствовали их осуществлению.

Провозглашенная большевистским правительством политика равенства всех наций автоматически предполагала создание равноправных, развитых престижных национальных идиомов, к которым применим термин «литературный язык». Именно он и использовался применительно к создаваемым кодифицированным или стандартным вариантам этнических языков.

«Громадное большинство национальных меньшинств СССР до революции не имели выработанного литературного языка. Если и издавалась кое-какая (большей частью религиозная) литература на национальных языках, то эта литература обыкновенно не имела единой языковой нормы и единых принципов письма или же, если имела кое-какие установленные нормы, то после революции были они значительно изменены. Словом, после Октябрьской революции на территории СССР начали формироваться десятки совершенно новых литературных языков» [Лыткин, 1931, с. 73].

Обратим внимание, что создаваемые языки определяются как литературные, а в качестве их признаков указываются норма, графический и часто орфографический стандарт. Причем норма понимается не в рамках платоновской идеальной категории нормы-эталона (таковая как раз в некоторых языках существовала, о чем, в сущности, говорит и автор процитированной статьи), а как жестко кодифицированная норма-модель.

Интересно отметить, что блестящий лингвист и последовательный адепт, теоретик и практик языкового строительства в СССР двадцатых годов Е.Д.Поливанов применительно к создаваемым вариантам языков национальных меньшинств употребляет тот же термин «литературный язык, например, в статье, опубликованной в 1931 году, «Революция и литературные языки Союза ССР» [Поливанов, 1968, с. 187–206]. Однако в иной с точки зрения идеологии проблематике, связанной с русским языком, именно он первым использует понятие «стандартный язык», в статье, посвященной влиянию социальных факторов на развитие русского языка послереволюционной эпохи.

«Вернемся ... к конкретному заданию настоящей статьи – русскому языку современности, и прежде всего – к стандартному (или «литературному», или «общерусскому») его диалекту. Для стандартного (или «общерусского») языка дореволюционной (и довоенной) эпохи весьма не трудно дать

социальную характеристику: это – внетерриториальный язык русской интеллигенции» [Поливанов, 1968, с. 212–213]. Интересно равноправное употребление терминов «язык» и «диалект», а также «стандартный язык-диалект», что в целом соответствует современному термину «вариант», основной целью которого было уйти от необходимости разграничения языка и диалекта.

Второй этап языкового строительства на территории уже бывшего СССР пришелся на девяностые годы прошлого века. В этот период были созданы алфавиты для бесписьменных языков, начата или продолжена работа по созданию «литературных языков», моделью для которых по-прежнему служили образцы языкового строительства XIX века. Но там, и это ключевой момент языковой политики эпохи позапрошлого века, язык шел в связке с нацией-государством, то есть единицей политически независимой. Причем демографический, экономический, социальный, культурный потенциал позволял строительство подобных конструкторов. Но можно ли построить полифункциональный язык по модели «национальный литературный язык» при незначительном числе носителей данного идиома? Не забудем, что создание такого языка обеспечивается перестройкой системы за счет снижения синтагматических характеристик и возрастания парадигматических, то есть социальной и функциональной стратификации языка. Для подавляющего числа «малых» языков такой удар может оказаться фатальным, поскольку конструируется стандартный вариант (общий литературный язык), часто малопонятный и чужой естественным носителям малого языка, что усугубляет и без того значительный межпоколенный разрыв в языковых компетенциях. К тому же в некоторых случаях подобный стандарт, усвоенный через систему образования, может способствовать падению престижа естественных диалектов.

Исходя из всего вышесказанного, представляется необходимым разграничивать понятие стандартного варианта и литературного языка на основании синхронических критериев, связанных с социолингвистической структурой идиома (диасистемические характеристики), в том числе типом языкового состояния и языковой ситуации и диахронических критериев историко-культурного плана. Еще раз подчеркнем, что создание стандартного варианта для миноритарного языка необходимо и желательно, поскольку способствует ревитализации языка, расширению его функций и возрастанию престижа. Но достаточно жесткая и сложная форма литературного языка, на формирование которой требуются десятилетия, не может быть реализована в одночасье. Форма литературного языка адаптируется к социальным и иным функциям, которые она выполняет *de facto*. Стандартные формы миноритарных языков создаются *de jure* и уже потом внедряются в обществе.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

Литература

Лыткин В. О литературном языке нацменьшинств. Просвещение национальностей, 1931, No. 1, 73–77.

Поливанов Е.Д. Революция и литературные языки Союза ССР. В кн.: Статьи по общему языкознанию. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 187–206.

Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. В кн.: Статьи по общему языкознанию. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 206–225.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988.

Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.

Томашевский Б.В. Язык и литература. В кн.: Вопросы литературоведения в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М.: Акад. наук СССР, 1951. С. 177–178.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII–XIX века. М.: Моск. гос.

университет, 1985.

Actes du Deuxième Congrès International des Linguistes: Genève 25-29 août 1931. Paris: Maisonneuve, 1933.

Rivarol A. Discours sur l'universalité de la langue française. Paris: Manucius, 2013.

Поступила в редакцию 26 мая 2015 г. Дата публикации: 25 августа 2015 г.

[Сведения об авторе](#)

Москвичева Светлана Алексеевна. Кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 корп. 10А, 117602 Москва, Россия.
moskvitcheva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Москвичева С.А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком». Психологические исследования, 2015, 8(42), 10. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Москвичева С.А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1159-moskvitcheva42.html>

[К началу страницы >>](#)